

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ СИМВОЛА

*Работа предоставлена кафедрой теории и истории культуры Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского.
Научный руководитель – доктор культурологии, профессор М. И. Гомбоева*

В исследовании символа большое значение имеет не только философское и культурологическое основание, но и психологический аспект. Проявление символических форм, возникающих в результате столкновения бессознательного с сознанием индивидуума, рассматривается в трудах З. Фрейда, Э. Кассирера, К. Юнга. Истолкование символа представляет собой диалогическую форму знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения.

The researches of a symbol are based not only on philosophical and cultural aspects, but also psychological ones. The appearance of symbolical forms as an impact of unconscious and conscious mind levels is analyzed in the great psychologists' works. The symbol interpretation has a dialogue form: its sense exists only in human communication.

Символ следует отнести к числу понятий с наиболее сложным противоречивым содержанием, семантику которого можно проследить в различных энциклопедических и философских словарях.

Вместе с понятием «символ» в энциклопедических словарях появляются статьи «Символизм» и «Символика». Определение символа здесь дано уже с учетом художественного опыта символистов. Символизм же понимается не только как специфическое, художественное направление, но и как особый способ косвенным путем вызывать в человеческом сознании образ, идею или чувство. Один из широко распространенных способов вызывания известного состояния сознания есть не что иное, как сосредоточение внимания на соответственном предмете или представлении о предмете. Символ присущ поэтому человеческому мышлению с самых первых шагов на пути культурного развития... И только при помощи символа научилось человечество обозначать отвлеченные понятия.

Характеризуя источники современной символогии, нельзя обойти молчанием и «философию символических форм» Э. Кассирера. Изучая его теорию, можно говорить о психологическом аспекте проявления символических форм, возникающих в резуль-

тате столкновения бессознательного с сознанием индивидуума. Здесь можно провести сравнительный анализ с учениями З. Фрейда, русских символистов и К. Юнга.

Определяя человека как «символическое животное», Э. Кассирер придавал символу антропологический статус. Создание символов есть имманентная способность человека, обусловленная природой его сознания. Символ, наделенный феноменальным бытием, является связующим звеном между человеком и окружающим миром. Человек, в отличие от животного, не имеет биологической программы и вступает в контакт с природой через свою деятельность, а она, в свою очередь, насквозь пронизана символами.

Каждой форме присуща творческая сила, посредством которой человеческое существование получает свой смысл и свое значение. Каждая форма означает определенный духовный способ восприятия, посредством которого конституируется особая сторона «действительного». Поэтому Э. Кассирер и определяет их как «символические формы». В самом общем виде символическая форма понимается им как проявление некоего духовного через чувственные знаки и образ. Она включает в себя два компонента: чувственно воспринимаемые

знаки и идеальную форму, которая только и может быть выражена через эти знаки. Таким образом, знаки и символы не рассматриваются Э. Кассирером как различные формы выражения, напротив, знак является структурным элементом самой символической формы. Знак – это «определенная чувственная единичность», являющаяся «носителем общего духовного значения»¹.

По мнению некоторых философов и психологов, различные символические формы отличаются друг от друга генетически и в то же время существуют рядом друг с другом в рамках исторически конкретной культуры, т. е. символ характеризуется синхронностью, и эта его характеристика стала пристальным объектом внимания в рамках психоанализа.

Данное внимание проявляется в анализе взаимоотношений сознательного и бессознательного у З. Фрейда, особенно в трактовке им сновидений. Воспоминание о сновидении представляется нам довольно цельной, логической, последовательной конструкцией, при условии если мы принимаем исходные посылки сновидения, т. е. как бы находиться «внутри сна». Фрейд полагал, что воспоминание о сновидении является продуктом переработки содержания самого сновидения, продуктом его десимволизации. Таким образом, в теории сновидений Фрейда возникает отношение двух уровней символа, которое к тому же встречается почти ежедневно в повседневности. Символ превращается в нечто само собой разумеющееся, понятное, приемлемое для субъекта. Само понятие сновидения предполагает не столько возможность запомнить его содержание, сколько необходимость его объективной интерпретации, а также и знания о том, что такая интерпретация существует. Но сама эта интерпретация у Фрейда выступает как демонстрация человеку, запомнившему сон, того, «кто он есть» в чисто психологическом смысле. Символика сновидения по отношению к этой объективной интерпретации – это вто-

ричная психологическая символика, играющая вспомогательную роль.

Для Фрейда вещи и события сна являются символами психической спонтанности субъекта или, иначе говоря, знаками такой естественной природной жизни, которая сама себя знать не может. То есть в отличие от Э. Кассирера, для которого символ – знак высшей реальности, для Фрейда символ инструмент интерпретации такой реальности, которую можно назвать только низшей. Мы, как субъекты сновидений, можем узнать об этой реальности только через эти символы, а еще точнее – только через символическую интерпретацию запомненного.

Суть такой психоаналитической теории познания наглядно выражена в высказывании самого Фрейда, согласно которому «сознательным может стать лишь то, что некогда уже было сознательным восприятием...»². Познание бессознательного в психоаналитической философии становится, таким образом, не чем иным, как припоминанием, восстановлением в памяти человека ранее существовавших знаний. Психоаналитически понятое сознание оказывается воскрешением знания-воспоминания, активизирующееся в сновидениях на уровне символических представлений, вытесненного в предсознательное в силу нежелания или неумения человека распознать за символическим языком бессознательного те его внутренние стремления и желания, которые нередко ассоциируются с каким-то скрытыми демоническими силами, чуждыми индивиду, как социальному и культурно-нравственному человеческому существу.

В процессе толкования сновидений Фрейд пришел к убеждению, что символика является самой интересной частью учения о бессознательном. Позднее он сделал вывод, что область символики необыкновенно велика, символика сновидений составляет только ее часть. Психоанализ как раз и основывался на признании символики бессознательного, расшифровка которой составляла одну из существенных ис-

следовательских задач в психоаналитическом учении.

Прояснение смысла бессознательных мотивов и побуждений человека, скрытого от его сознания и совершенно непонятого в силу символического языка самого бессознательного психического, как раз и осуществляется, по убеждению Фрейда, путем постепенного изучения первооснов человеческого бытия с их исторически сложившимися структурами, специфической образной символикой и иносказательной смыслозначимостью. Бессознательное и сознание человека говорят на разных языках. Поэтому Фрейд пытается создать специальный словарь, в котором осуществляется перевод бессознательной символики на язык обыденного сознания. По этому поводу С. Цвейг заметил: «Подобно тому как египтологи использовали таблицу Розетты, начинает и Фрейд наносить значок за значком, начинает разрабатывать для себя словарь и грамматику языка бессознательного, чтобы уразуметь те голоса, которые звучат за нашими словами и за нашим сознанием предостерегающе и зовуще и власти которых мы в большинстве случаев подпадаем более роковым образом, чем влиянием сознательной нашей воли»³.

До Фрейда многие философы обращались к осмыслению символической деятельности человека. Кант, например, размышлял о символах и символическом познании, рассматривая прием толкования как чисто символический способ представления.

Ницше писал о символике, обращая внимание на так называемый половой символ, что стало позднее одним из основных объектов исследования в психоанализе. Дильтей описывал «символизирующую деятельность» человека, говоря о постоянном превращении «душевных состояний» в различные символы. В своей книге «Работа сновидений» Шернер подробно обсуждал проблему символизма.

Таким образом, психоаналитические идеи о символической деятельности человека не следует воспринимать как нечто

новое и оригинальное, возникшее исключительно в рамках психоанализа, на чем подчас настаивают приверженцы психоаналитического учения. Между прочим, сам Фрейд признавал, что приоритет в выявлении символической деятельности человека принадлежит вовсе не ему, а К. А. Шернеру. Психоанализ только подтвердил открытие Шернера, хотя и очень основательно видоизменил его.

Истолкование символа представляет собой диалогическую форму знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения. В общей психологии категория символа подробно разрабатывалась в психоанализе и интеракционизме. Для ортодоксального психоанализа характерна интерпретация символов как бессознательных образов, обуславливающих структуру и функционирование психических процессов человека. Впоследствии в психоанализе акцент был перенесен на анализ и интерпретацию символов социального и исторического происхождения. Так, в психологии К. Г. Юнга богатство человеческой символики было истолковано как выражение устойчивых фигур бессознательного.

Учитывая эту позицию К. Г. Юнга, его высказывания о символах имеют большое сходство с теорией русских символистов, а также теорией Э. Кассирера. И в основных своих обоснованиях он отвергает предложенное Фрейдом отождествление символа с психологическим симптомом.

Им был введен термин коллективного бессознательного (отражения опыта предыдущих поколений), воплощенного в архетипах – общечеловеческих первообразах. Архетипы недоступны непосредственному наблюдению, они раскрываются лишь косвенно – через их проекцию на внешние объекты, что проявляется в общечеловеческой символике: мифах, верованиях, произведениях искусства. У индивида архетипы предстают как непроизвольные выявления бессознательных процессов, о существовании и смысле которых можно умозаключить

читать лишь косвенным образом; «...в мифе, напротив, дело идет о традиционных образах по большей части неизмеримой древности. Они уходят своими корнями в примитивный первозданный мир с духовными предпосылками и обусловленностями, которые мы можем наблюдать еще и сегодня у оставшихся примитивных народов. Мифы и символы на этой ступени представляют собой, как правило, племенное учение, которое передается из уст в уста от поколения к поколению»⁴.

На древнюю и мифологическую природу символа обращал внимание и Лотман. Учитывая его позицию, можно сказать, что в символе всегда есть что-то архаическое. Такое восприятие символов неслучайно, поскольку основная группа их действительно имеет глубокую архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда хранившиеся в устной памяти коллектива знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов.

По теории К. Г. Юнга бессознательное постижимо только тогда, когда его отдельные элементы входят в содержание сознания, и никогда не может быть постигнуто в целом. Поэтому для сознания бессознательное существует как беспредельная неопределимая, в определенном смысле потусторонняя реальность. Сталкиваясь с бессознательным, сознание человека обретает опыт невыразимого, таинственного, связанного с inferнальным. В результате такого взаимодействия или столкновения оказывается возможным рождение символа.

Символ является символом только тогда, когда он психологически актуален. Генезис символических форм рассматривается К. Юнгом, Э. Кассирером и Фрейдом по-разному.

К. Юнгу очень важно различие между знаком и символом, т. к. символ всегда представляет собой выражение недостижимого, непознаваемого, а знак, по существу, является указанием на нечто известное. Для Юнга не приемлема задача расшифровки символа, которую мы видим в психоанализе Фрейда, поскольку в результате этой рас-

шифровки символ превращается в знак и теряет связь с безграничностью бессознательного. Поэтому символ всегда должен иметь новую неожиданную семантику, в определенной мере близкую к сакральным переживаниям.

Для Кассирера совершенно несущественно различие между знаком и символом, так как, по его мнению, символ в наше время утратил свою актуальность и имеет лишь историческое значение.

Можно привести в пример теорию Лотмана, где символ определяется как знак. Этому определению противостоит традиция истолкования символа как некоторого знакового выражения высшей и абсолютно незнаковой сущности. «В первом случае символическое значение приобретает, подчеркнуто, рациональный характер и истолковывается как средство адекватного перевода плана выражения в план содержания. Во втором – содержание иррационального мерцает сквозь выражение, и символ играет роль как бы моста из рационального мира в мир мистический»⁵.

Символ возникает при мобилизации всех психических сил индивида, как сознательных, так и бессознательных. Таким образом, природа символа в высшей степени интегративна.

Самую развернутую, максимально эксплицированную теорию символа можно обнаружить в наследии А. Ф. Лосева. В статье «Логика символа» предельно понятно и последовательно дается определение символа. А. Ф. Лосев справедливо признает символ как одно из центральных понятий философии психологии и эстетики, который требует чрезвычайно кропотливого исследования. Ссылаясь на процесс познания, которое начинается с живого чувственного созерцания идет к абстрактному мышлению и заканчивается практикой, помогает понять природу символа, в которой мы находим все три эти ступени. Символ основан на живом созерцании действительности, он и есть ее отражение. «Символ вещи в своей основе есть отражение вещи, но не просто отражение, а такое, которое. будучи

обработано средствами абстрактного мышления, вновь возвращается к этой вещи, но уже дает эту вещь в переделанной для целей человека и преображенной форме»⁶.

В этой статье мы сравниваем различные теории символа не для того, чтобы выбрать наиболее оптимальную. В этих теориях не существует очень резких противоречий, и поэтому они смело могут рассматриваться

как закономерные ступени развития общей теории символа. Как мы видим, вопросом психоанализа символа занимались не только психологи, но и философы, поскольку понятие символа затрагивает вопросы эстетики, философии и психологии человеческого бытия, его существования в огромном промежутке времени, изучение которого для нас является неиссякаемый интерес.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кассирер Э.* Понятие символических форм в структуре наук о духе. Индивид и космос. М. – СПб., 2000. С.186.

² *Фрейд З.* Я и Оно: Хрестоматия по истории психологии. Тбилиси. 1991. С. 190.

³ *Цвейг Ст.* Собр. соч. М., 1984. Т. 11. С. 291.

⁴ *Юнг К.* Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 120.

⁵ *Лотман Ю.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб, 2000. С. 240.

⁶ *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 250.